

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ МОМЕНТ

—
ЕВГЕНИЯ КУЛИШ

Родилась в 1981 году. По образованию архитектор-дизайнер. Журналист, блогер. Писала статьи и заметки о путешествиях в онлайн-журналы. Ведет авторский

—
блог о книгах в Телеграме «booklogbook». Проентный менеджер в книжном клубе Н. Ломыкиной «Под обложной». Выпускница литературной школы Vand. Живет и работает в Москве.

Вера раздраженно хлопнула дверь, бросила ключи на тумбочку и тяжело опустилась на пол прямо посреди коридора. Плакать уже не было сил, глаза болели, подступала мигрень. В ее старой квартире все выглядело привычным: пальто на вешалке в углу, потертое зеркало, обои с цветочным орнаментом, обувь аккуратно расставлена вдоль стены. И все же перемены были разительны. Квартира как будто замерла, застыла, точно одиночный кадр на киноплёнке. В ней больше не было движения, звуков, запахов. В ней больше не было жизни – на прошлой неделе умерла мать.

Болела она давно, но держалась бодро и от помощи сиделок отказывалась, со всем справлялась самостоятельно. Когда почувствовала себя плохо, сама позвонила в скорую, а потом набрала Веру. Тогда, словно предчувствуя скорый конец, среди прочих инструкций мать и бросила эту загадочную фразу:

– Я спрятала деньги в самом счастливом моменте нашей жизни!

Через несколько дней ее не стало.

Мать Веры была женщиной эксцентричной, если не сказать сумасбродной, ненавидела полутона и оттенки. Одевалась ярко, красилась ярко, жила ярко. На все имела свое мнение, за словом в карман не лезла. Дочь в ее тени росла тихой и стеснительной и при первой же возможности ушла из дома.

Вера с мамой жили вдвоем, отец давно умер, других родственников у них не было. В целом мире они были одни друг у друга, и все же обе облегченно выдохнули, когда разъехались. Дочь сняла квартиру на пару с подругой и наслаждалась тишиной и одиночеством, а мать, наоборот, пустилась во все тяжкие, стала больше общаться с людьми, гулять и развлекаться.

Старела она эффектно, морщины ее не портили, а лишь придавали дополнительный шарм, как изысканная патина на бронзе. Ежедневная йога помогала держать тело в тонусе, а стильный гардероб, который мама шила сама, делал ее похожей на голливудскую звезду. И как у настоящей звезды, у нее было множество поклонников, как старше по возрасту, так и значительно моложе. Она благосклонно принимала ухаживания, но близко никого не подпускала. Вера считала, что это от страха погрязнуть в рутине отношений. Лишь повзрослев, дочь поняла, что мать просто нашла баланс между верностью погибшему мужу и отчаянным желанием жить, наслаждаться каждым мгновением во всей его полноте!

Сама же Вера больше всего ценила умиротворяющее спокойствие одиноких вечеров с книгой или сериалом. Ярким платьям предпочитала серые балахоны, пышным локонам – наспех зачесанный хвостик, теням и помаде – большие очки,

за которыми пряталась от всего мира. Они были точно из разных миров, и мало кто замечал, что внешне мать и дочь похожи друг на друга, как две капли воды.

Отношения начали портиться, когда Вера была еще подростком. И с каждым годом пропасть из непонимания и неприятия друг друга только ширилась. Маме не нравилась ее прическа, ее работа, ее друзья, ее мужчины, ее музыкальные вкусы и политические взгляды. Словом, ей не нравилась вся Вера, от макушки до кончиков пальцев на ногах, и мать не стеснялась говорить об этом вслух.

– Ну, и что у нас за траур? Кто умер? – саркастически интересовалась она, когда Вера заезжала в гости. – Что за лицо?

– Нормальное лицо.

– На нормальном лице у женщины должна быть губная помада и улыбка! Ты давно в зеркало на себя смотрела? А что вообще на тебе надето? Эта пижама, что ли, не пойму... Ты, что с утра встала с постели и решила: «Зачем переодеваться, пойду прямо так!»?

– Ой! Отстань, а! – огрызалась дочь.

С возрастом Вера научилась давать отпор и тоже излишней вежливостью не отличалась. Они постоянно ссорились, взрываясь по самым незначительным поводам, кричали друг на друга до хрипоты. Потом мирились, плакали, просили прощения. Но категоричность снова сталкивала их лбами. С каждой новой ссорой отношения становились все прохладнее, родственные чувства покрывались колючим инеем, а мелкие обиды и глупые претензии росли, как грибы после дождя. Каждый раз, приезжая навестить мать, Вера с ужасом ждала очередной выходки, издевательского комментария или неуместной шутки. Кто бы мог подумать, что это все продолжится даже после ее смерти.

Вера поднялась с пола и прошлась по квартире. За окном было лето, но день выдался прохладный, небо было затянуто тяжелыми тучами и в квартире царил гнетущий полумрак. Старый покосившийся сервант, протертый диван и выцветшие шторы в полоску – она знала здесь каждый миллиметр, каждую завитушку на обоях, каждую трещинку на вазах под стеклом. Это был ее мир, надежный и вечный, как гранитные скалы. Но сейчас Вера не узнавала его, словно впервые в жизни видела и эту комнату, и эти обои, и эти вазы.

Она заглянула в родительскую спальню, на прикроватной тумбочке среди упаковок с лекарствами стояло несколько фотографий в рамках:

молодые мама и папа в день их свадьбы, маленькая Вера в ползунках и с погремушкой в руках, и уже взрослая Вера вместе матерью в ресторане, где они отмечали мамин день рождения. В тот вечер они вдрызг разругались, но вспомнить, из-за чего, никак не получалось. Вера взяла в руки фото и посмотрела матери в глаза:

– Обязательно надо было поиздеваться напоследок, да?

Бросив фото в сторону, дочь уткнулась лицом в подушку. Та пахла лекарствами и маминым любимым лавандовым мылом. Хотелось зарыдать, но слез, кажется, уже совсем не осталось.

Деньги Вере были не нужны, она неплохо зарабатывала и сама. Но совесть сверлила изнутри, настойчиво требуя хотя бы попытаться их найти. Не ради самих денег, конечно, а в память о маме. Она знала, что та многие годы откладывала, то ли на похороны, то ли на приданое. То ли для Веры, то ли для себя.

«Самый счастливый момент», – повторяла она про себя, как мантру. Что имелось в виду и где искать, Вера решительно не представляла. Воспоминания толкались в голове, как пассажиры метро в час пик, но, как она ни старалась, ничего счастливого припомнить не получалось, и от этого злилась еще сильнее.

После долгих размышлений Вера решила начать с детства. Тогда они еще не срывались на крик по любому поводу и вроде бы жили вполне счастливо. Первыми вспомнились вечерние чтения – их маленький ритуал, бережно хранимый на протяжении многих лет. С раннего детства, когда дочь укладывалась спать, мать всегда читала ей вслух. Марк Твен, Джек Лондон, Жюль Верн, Фенимор Купер в старых советских томиках были неизменными спутниками всех вечеров. Это были минуты близости, которые они обе очень ценили. Чтения не прекращались, даже когда Вера выросла в ершистого подростка, правда, они все чаще переходили в разговоры по душам. Даже став совсем взрослой, Вера бралась за книги всегда, когда ей нужно было подумать или принять важное решение. Но теперь это были уже книги из ее собственной библиотеки.

Мысль, что мать спрятала деньги в одной из книг, показалась вполне логичной. Сдвинув тяжелое стекло книжного серванта, Вера брала книги одну за другой, открывала, встряхивала и откладывала в сторону, прямо на пол. Вскоре пара сотен старых томиков возвышались неровными стопками вдоль стены, но деньги так и не нашлись.

Следующим вспомнился Новый год. Это был их самый любимый праздник. Они всегда долго и тщательно к нему готовились, украшали квартиру, вместе делали из цветного картона елочные игрушки и гирлянды, вдвоем их развешивали. И всегда дарили друг другу подарки. Обязательно несколько, пусть самых ерундовых! Заворачивали их в цветную бумагу и задолго до Нового года выкладывали под елку. Потом ходили вокруг в нетерпеливом предвкушении и с восторгом открывали их вместе утром первого января. Вера приносила с кухни табуретку, влезла на антресоль и достала коробку с елкой. Тщательно перебрала все, что было внутри. Безрезультатно.

А может быть, самый счастливый момент – это когда Вера получила диплом юриста? Мать тогда невероятно ею гордилась. Диплом потом так ни разу и не пригодился, поэтому остался валяться забытым в ящике со старыми документами. Она перебрала все бумаги, но денег среди них не было.

Что еще? Однажды, когда Вера устроилась на новую работу, она купила маме дорогую стиральную машинку взамен сломавшейся. Мать была счастлива. Не столько из-за машинки, сколько из-за того, что дочь стала совсем взрослой и самостоятельной. Она потом годами хвасталась и дочерью, и машинкой своим многочисленным подругам.

– Представляешь, настоящий Bosch, из Германии! Не какая-то там китайская паль! При такой работе может себе позволить! Я в ее годы о такой карьере и не мечтала! – с гордостью заявляла она очередной подружке, забежавшей на чай.

Гости в их доме бывали часто, и Вера регулярно с ними пересекалась.

– Какая же ты молодец, Вера! – согласно кивала гостя, прихлебывая чай. – Такая взрослая, такая самостоятельная. И про мать не забываешь.

– Дети должны быть успешнее родителей! – добавляла мама. – Если что-то мне и удалось в этой жизни, так это дочь!

Каждый раз в такие моменты Вере было одновременно и немного неловко, и очень приятно. Такая незатейливая похвала, сказанная даже не ей, а совершенно постороннему человеку, была дороже сотни восторженных комплиментов от коллег и поклонников.

Вера осмотрела стиральный уголок со всех сторон, отодвинула машинку, заглянула в корзину с бельем и даже в коробку со стиральным порошком, но так ничего и не нашла.

А что, если имелась в виду их поездка на Мальдивы? Это был единственный раз, когда мать выезжала за границу. Вера тогда больше года откладывала, чтобы купить путевку в пятизвездочный отель на отдельном острове, и оно того определенно стоило. Это был рай! Целых две недели они провели в блаженном безделье, загора-ли, плавали, любовались через маску на разноцветных тропических рыбок в щелях коралловых рифов, перепробовали все коктейли в баре.

– Многоуважаемый мусью, – говорила мать бармену на чистейшем русском, изящно поправляя соломенную шляпку с огромными полями, – нам, пожалуйста, два лучших коктейля.

– Мама! – одергивала ее Вера. – Откуда ж он русский знает?

– Мы понимаем друг друга без слов! – невозмутимо отвечала мать и кокетливо подмигивала: – Правда, красавчик?

Мгновения спустя перед ними действительно ставили изящные бокалы с яркими пузырящимися напитками, украшенными трубочками и коктейльными зонтиками. Их всегда подавали вместе с небольшой тарелкой экзотических фруктов. Возможно, в баре было так принято, но Вера считала, что фрукты приносили в качестве комплимента ее маме. За все путешествие они ни разу не поссорились. Этот был абсолютный рекорд, превзойти который им так и не удалось.

Вера нашла в кладовке старый чемодан и вывернула все, что лежало внутри. Старые летние платья, платки, та самая соломенная шляпа с большими полями, смятая и изрядно потрепанная, пляжное полотенце и даже синий плед, который они стащили у «Аэрофлота» при обратном перелете. Она бережно брала в руки каждую вещь, гладила, прижимала к себе. Для нее они до сих пор хранили в себе тепло тех солнечных дней, пахли морем и кремом от загара.

За окном слегка распогодилось, солнце пробилось через тучи и теперь светило в окно теплым вечерним светом, выхватывая висевшую в воздухе пыль, которая теперь роилась по всей квартире, как таежная мошка.

Оглядываясь вокруг, Вера находила все больше и больше счастливых моментов. Даже не верилось, что их было так много! Воспоминания выпрыгивали внезапно из самых неожиданных мест и цеплялись за душу, словно рыболовные крючки. Как они покупали маме ее первый айфон, как выбирали картины в гостиную на вернисаже, как мерили платья, которые мать шила для дочери по фото-

графиям из журналов Vogue и Cosmopolitan. Вера перебирала все эти вещи, и они, как машина времени, переносили ее в прошлое, позволяя снова и снова переживать радость, удивление, восторг, умиротворение и... счастье.

Совсем стемнело, последний луч солнца блеснул желтым пятном на обоях и погас, пришлось включить свет. По всей квартире были беспорядочно разбросаны горы вещей. В носу свербело от пыли, в животе урчало. Вера решила сделать перерыв и пошла заварить чай.

На кухне все было так же, как в ее последний визит, накануне рокового приступа. Хлеб в пакете заплесневел, в раковине осталась недомытая посуда, рядом стояла чашка со следами красной помады – мать до последнего дня красила губы. Вера поставила чайник, села за стол и тупо уставилась перед собой на банку с сахаром и жестяную коробку имбирного печенья, которую она случайно схватила по скидке в соседнем «Перекрестке». Печенье оказалось невероятно вкусным, в меру сладким, рассыпчатым, с тающей во рту глазурью. На крышке был изображен уютный зимний пейзаж: тепло укутанные дети весело играли в снежки, таскали санки и бегали наперегонки с лохматыми собаками, а с заднего плана за ними внимательно наблюдали их довольные и раскрасневшиеся на морозе матери.

Вера с мамой тогда долго сидели вечером на кухне и пили чай, почти не разговаривали друг с другом, думали каждая о своем. Мать привычно ворчала, дочь то и дело утыкалась в телефон. И все же в тот момент они были друг у друга, одновременно такие далекие и такие близкие.

Она протянула руку и сдвинула крышку коробки, захотелось снова ощутить тот вкус. Но вместо печенья под руку попал плотный и толстый сверток. Вера достала его, несколько секунд покрутила в руках, развернула и ахнула, невольно прикрыв рот рукой. На глаза снова навернулись неведомо откуда взявшиеся слезы. В непрозрачном черном пакете, перетянутые резинками с двух сторон, лежали пачки потрепанных долларов.

